

Время тянулось то медленно, то быстро, минуло уже три месяца, и наступило четырнадцатое декабря. Весь Ласруй погрузился в тревожную атмосферу, хотя никто и не знал, с чего всё началось. Никто, кроме Фэн Бэя.

Если не считать того, что в последнее время он редко появлялся на тренировочной площадке, а его лицо временами становилось неестественно бледным, Фэн Бэй ничем не выдавал беспокойства. Он по-прежнему бездельничал в своем кабинете, укутавшись в военную шинель и наслаждаясь прохладой кондиционера. Это было на руку Тан Цунъюню, который постоянно к нему приставал, и за эти месяцы подобное поведение стало для них обоих привычкой.

Постепенно желание перетянуть Фэн Бэя на свою сторону перестало быть чем-то однозначным. Любопытство и тайный трепет в душе прорастали в этом крошечном кабинете площадью пятнадцать квадратных метров.

Печально было лишь то, что Фэн Бэй напоминал стальную плиту: как бы Тан Цунъюнь ни юлил и ни пытался хитрить, тот отвечал всегда одним и тем же тоном. Обычно Фэн Бэй его не трогал, но стоило Тан Цунъюню задумать что-то недоброе, как мужчина, словно имея зеркало заднего вида, поднимал руку и перехватывал наглую лапу.

А затем, едва заметным, мягким движением похлопывал его, словно успокаивая.

С тех пор Тан Цунъюнь, чей мозг был склонен к нестандартному мышлению, уяснил одну вещь: если хочется, чтобы командир Фэн погладил по руке, нужно сделать вид, что собираешься устроить беспорядок! Если он пресечет — погладит, если не пресечет — тоже погладит. Это была беспроектная сделка!

В самом начале их знакомства Тан Цунъюнь не смел шутить с ним и держался скованно. Каждая его просьба звучала сбивчиво, но командир Фэн, суровый снаружи, но добрый внутри, всегда терпел этого вечно запинаящегося мальчишку. Постепенно, поняв правила игры, Тан Цунъюнь пустил в ход все свои приемы обольщения, накопленные за девятнадцать лет, на этом живом воплощении бескорыстия.

Все равно ведь ведется на это, — думал он, и в итоге остановиться было уже невозможно.

Но, в конце концов, Тан Цунъюнь был молодым и полным сил современным Альфой. В нынешнем обществе у Альф и Омег после восемнадцати лет наступали периоды восприимчивости и течки. Ингибиторы, хоть и были в ходу, продавались только взрослым — якобы для защиты несовершеннолетних от домогательств. Но мало кто знал, была ли от них хоть какая-то польза.

Каждый раз, когда он с электронным удостоверением приходил в аптеку Ласруя за ингибитором, на душе становилось тошно. Раньше, когда не было любимого человека, это было терпимо, но теперь казалось, что лекарство не действует вовсе — лишь временная мера, не решающая сути проблемы.

В то же время он начал окольными путями расспрашивать Цай Чэня о том, как тот познакомился с Фэн Бэем. Его собственное детство было непростым: каждый день приходилось сталкиваться с разного рода воспитанием во благо, и эта суматошная жизнь стерла почти все воспоминания о его относительно спокойном детстве, превратив их в пепел.

Однако Цай Чэнь хранил молчание, всякий раз отделяваясь какими-то отговорками.

Солнце за окном окрасило небо в багровые тона, приближался вечер. Фэн Бэй сидел в кабинете, листая ленту телефона, но вскоре с раздражением бросил его на стол. Бедный аппарат издал жалобный звук при ударе о дерево. На душе у Фэн Бэя было беспокойно, или, вернее, непривычно.

Сегодня вечером было на удивление тихо. Казалось, не хватало шумного и неугомонного воробышка, который вечно щебетал у него под ухом.

Но великий командир Фэн, человек широкой души, списал весь этот дискомфорт на то, что после трех месяцев шума он просто отвык от тишины. Он достал бутылку красного вина, присланную ему ранее, и налил бокал.

Черт, — он поморщился, не чувствуя вкуса вина. Ему хотелось с грохотом поставить бокал рядом с многострадальным телефоном, но привычка ценителя взяла верх: глядя на год урожая, он аккуратно опустил бокал на стол и посмотрел в окно на птицу, важно усевшуюся на статую божества. — Довели меня до ПТСР своими криками.

С начала декабря у него прибавилось личных дел, и он стал появляться на тренировочной площадке всё реже. Тот маленький воробышек каждое утро, распушив перышки, стоял на его столе, словно оперный певец, готовый взять высокую ноту. Стоило ему открыть рот, как лился бесконечный поток слов: о том, какой обед был вкусным, о том, как прошли тренировки — выбирал всё самое лучшее.

— Фэн Бэй. — В дверях появился Цай Чэнь. Как связной, он в последнее время зачастил в кабинет Фэн Бэя. Приходил он с серьезным лицом, а уходил с самым разным выражением — чаще всего его трясло либо от ярости, либо от смеха.

Фэн Бэй даже начал подозревать, не болен ли тот чем-то серьезным.

— На этот раз всё серьезно. — Цай Чэнь подошел ближе и намеренно загородил угол комнаты. — Ты знаешь, что сегодня днем Тан Цунъюня и остальных отправили на подкрепление к Ли Тоу?

— Что? — Фэн Бэй в ужасе вскочил, ударив по столу. — Сейчас? Ли Тоу настолько никчем, что не продержался и трех месяцев? Этот генерал-майор просто проедает казенный хлеб? Это же боевое задание, разве не полиция должна этим заниматься? Каких крыс он там ловит!

— Не горячись, — поспешно успокоил его Цай Чэнь. — Шиши занимается контрабандой оружия, поэтому им нужны люди. Но не волнуйся, говорят, к ним направили подкрепление, ничего с ними не случится. Сейчас главное — мы.

— Я не получал уведомления, но вижу, что другие офицеры в курсе. Чжан Аоя уже нацелился на меня. Мы все в опасности, И Нань наверняка начнет раньше, у нас нет времени. — Последние слова Цай Чэнь буквально выплюнул.

— Она уже готова, — сказал Фэн Бэй. — Ты должен верить в ее эффективность. Имя Феникса — не пустой звук.

— Хорошо, но, Фэн Бэй, — взгляд Цай Чэня застыл на его лице, словно он пытался заглянуть в самую душу, — а как же Тан Цунъюнь? Он для тебя все еще просто игрушка, как ты говорил? У тебя хватит духу? Мне жаль тебя, поэтому я и решил пойти этим путем, но он? Любой видит, что он к тебе равнодушен. А вдруг он в порыве чувств побежит за тобой? Ты думаешь, сможешь его оттолкнуть?

Этот вопрос поставил красноречивого командира Фэна в тупик. Он не знал, что ответить.

— Я знаю тебя лучше многих в этом мире. Знаю, что ты никогда не пойдешь против человечности. Не поступишься совестью и не пойдешь против собственного сердца. Но он еще ребенок, ему всего девятнадцать. Если он пойдет за тобой, вся его жизнь будет в твоих руках, — не унимался Цай Чэнь.

— Я понимаю. Но как ты думаешь, на сколько хватает терпения в любви? — Фэн Бэй наконец нашел, что ответить, хотя эти слова могли больно ранить любого, кто их услышит. — На год? На месяц? Если мы исчезнем, в его жизни мы будем лишь случайным пятном чернил. Возможно, нам вообще не стоило появляться в его судьбе. Он забудет того, кого любил в юности, и пойдет навстречу лучшему будущему. Неважно, захочет ли он потом бороться за равноправие или вернется на праведный путь — вспоминая Фэн Бэя, он будет думать лишь о том, как ошибся в молодости.

К тому же, возможно, я к тому времени уже буду погребен под обломками войны, и от меня даже костей не останется. Неужели он будет собирать меня по кусочкам из-под камней? Я всего лишь мятежник.

Похоже, он остался недоволен своим ответом и, нахмурившись, добавил:

— Я не это имел в виду. Другими словами, даже если я буду любить его до безумия, я всё равно оставлю его здесь. Потому что это самое безопасное место, и это его нормальный жизненный путь.

После этих слов в комнате воцарилась странная тишина. Лучи заходящего солнца пробивались сквозь окно, и оба молчали. Спустя некоторое время Цай Чэнь произнес:

— Я знаю, ты не сделал его своим сообщником, у тебя не хватило духа. Фэн Бэй, мы знакомы столько лет, мы всегда мыслим в одном направлении. Я словно читаю твои мысли, и знаю, что всё сказанное тобой — правда. Ты не позволишь ему ввязываться в эту мутную воду. Но разве любовь так легко отбросить?

Фэн Бэю стало душно, он подошел к окну. Долго смотрел на заходящее солнце, не произнося ни слова. О чем он думал? Казалось, он пытался увидеть там, вдалеке, уходящий отряд поддержки.

— Я ошибся, любовь действительно нелегко отбросить. Любую любовь. Именно поэтому высшему военному руководству запрещено создавать семьи до тридцати пяти лет. А мне еще нет тридцати пяти, верно? Как только появляются привязанности, уже невозможно идти до конца, — он сделал тяжелый вдох. — Разве наш путь проще, чем спокойная жизнь в Военном ведомстве?

— Так что лучше пусть он считает эти три месяца сном, миражом. Возможно, ему даже не будет больно. А со временем юношеские чувства забудутся. — Эти слова прозвучали из уст Фэн Бэя так просто. Будто он разрезал лист бумаги и был готов легко повернуться и уйти.

— ... — Цай Чэнь хотел было что-то сказать, но его телефон внезапно завибрировал. Прочитав сообщение, он произнес: — Новый приказ.

Зрачки Фэн Бэя сузились, он выхватил у него телефон.

20:30, лагерь в городе D.

Сидя в машине, Тан Цунъюнь устроился в сторонке, где его никто не беспокоил. За три месяца он немного сблизился с сослуживцами, но, видя его подавленное настроение, никто не решался подойти. На самом деле, перед отъездом он хотел найти Фэн Бэя. Казалось, он привык делиться с ним всем, чтобы почувствовать спокойствие и завершенность.

Его затолкали в грузовик, даже не дав поесть, он не успел даже попрощаться. Но по дороге они встретили Цай Чэня. Командир Цай выглядел встревоженным и, увидев его, даже не поздоровался, пока Тан Цунъюнь сам не преградил ему путь. Словно очнувшись от сна, Цай Чэнь заметил его:

— Добрый вечер.

— Добрый вечер, командир Цай. Есть кое-что, что я давно хотел узнать, — Тан Цунъюнь преградил ему дорогу. — Я знаю, вы избегаете этой темы, но я и так уже достаточно знаю, что изменит еще один факт? — Его взгляд был твердым, в нем не осталось и следа того мальчишки, что вечно прислушивался к словам Фэн Бэя.

— Мне очень жаль, — Цай Чэнь посмотрел на его решительный взгляд и на мгновение опешил. Трудно было представить, что такой взгляд может быть у девятнадцатилетнего юноши — это был характер человека, прошедшего через множество испытаний. Но в конце концов он вздохнул и сказал учительским тоном: — Студент Тан Цунъюнь, я не могу тебе многого рассказать, это не входит в круг того, что ты должен знать, даже если ты любишь его. Но чего ты ждешь от этих отношений? Зачем тратить время на подобные бессмысленные вещи?

Эти слова ударили как гром, выбив почву из-под ног. Что значит бессмысленные вещи? Если это сказал Цай Чэнь, значит, скорее всего, именно так думал и Фэн Бэй. Он понял это, проанализировав последние три месяца.

<http://bllate.org/book/22097/2297920>